

Рождение города

1. Очаковская область

Территория, на которой суждено было появиться Одессе, в русских документах именовалась Очаковской областью. Другим ее названием было Эдисан, или Западный Ногай, по названию кочевавшей здесь орды ногайцев. В турецких документах она фигурировала под названием Узу (Осу), так же, как на турецком языке именовались река Днепр и собственно Очаков. Простиралась данная территория от Днепра до Днестра, ограничиваясь на севере речками Ягорлык и Кодыма, а на юге Черным морем.

К началу русско-турецких войн второй половины XVIII в. Очаковская область являлась составной частью Крымского ханства, которое, в свою очередь, выделилось из состава Золотой Орды. Но, обретя независимость при хане Хаджи-Гирее в 1443 г., Крымское ханство уже в 1475 г. попало в вассальную зависимость к Османской империи, находясь в ней вплоть до русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

В отличие от крымских татар, появившихся в Северном Причерноморье еще в период завоевания Крыма в XIII в., ногайцы перекочевали сюда из приволжских степей лишь в XVII в. По своему языку и внешнему облику они довольно значительно отличались от крымских татар. В не меньшей степени отличался и их жизненный уклад.

Ногайцы Эдисанской орды, как и их сородичи в Буджаке и Восточном Ногае, вели полудикий, кочевой образ жизни, занимаясь крайне мало земледелием. Огромные стада коней, быков, овец составляли главное их богатство. В пищу ногайцы предпочитали употреблять конину, а из напитков кобылье молоко. Передвигаясь со своими кибитками с пастбища на пастбище, ногайские татары, при случае, не гнушались ограбить путников, а грабительские набеги на соседние земледельческие территории Украины, Польши и Дунайских княжеств являлось для них делом обычным. Причем, жалованье за подобные военные походы они, естественно, не получали. Поэтому их набеги за добычей и невольниками, которых нередко затем перепродавали в Турцию, отличались особой жестокостью. Впрочем, была сила, которую крымские и ногайские татары по-настоящему боялись. Это были запорожские казаки, не раз совершавшие походы в глубь татарских степей, чтобы освободить уведенных в неволю людей и отомстить за грабежи.

Можно сказать, что в Европе, вступившей в век просвещения, существовал своеобразный исторический заповедник, где время как бы остановилось на несколько столетий. Скифы, сарматы, гунны, готы, аланы и десятки других кочевых племен, предшествовавших во времени вторжению татаро-монгол, могли бы найти бескрайние причерноморские степи в таком же состоянии, как и в период их владычества.

Следует отметить, что турки и крымские ханы редко вмешивались во внутренние дела Эдисанской орды. Более того, отличаясь дикостью и необузданностью нравов, эта орда настолько окрепла, что была способна оказывать давление силой на решение первостепенных политических вопросов в Крыму. Так, в 1758 г. в результате восстания ногайцы свергли с престола неугодного Эдисану Адем-Герей-хана, и посадили своего ставленника, Крым-Герей-хана.

В свою очередь Турция, традиционно рассматривавшая Черное море как внутреннее озеро Османской империи, ограничивалась в Эдисане тем, что контролировала устья трех крупнейших водных коммуникаций — Днепра, Южного Буга и Днестра. С этой целью турецкие гарнизоны размещались в крепостях: Очаков, на Днепровском лимане, и Аккерман, в Днестровском лимане, между которыми, на территории нынешней Одессы, находилась небольшая крепость и гавань Хаджибей, служившая временным укрытием турецкому флоту.

Если добавить, что в Буджаке Турция имела на Дунае такую мощную крепость как Измаил, то становится понятным, что все самые крупные водные пути Восточной и Центральной Европы, ведущие к Черному морю, безраздельно контролировались Османской империей. Это создавало почти непреодолимые препятствия для вывоза продуктов из огромных плодородных районов Украины и сопредельных ей территорий в страны Западной Европы. Решить данные вопросы суждено было в период царствования Екатерины II (1762-1796).

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. изменила положение Очаковской области. Русские и украинские войска сумели нанести ряд серьезных поражений противнику. В свою очередь Эдисанская орда, уже в самом начале этой войны, перешла на сторону России и в своем большинстве добровольно перекочевала в степи, прилегавшие к Кубани.

Но, хотя Очаковская область и была занята русскими и украинскими войсками, по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., а затем по Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. она отдавалась Турции. От территории, на которой ранее обитала Эдисанская орда, к России отошел лишь угол

между Днепром и Бугом. Однако данные, казалось бы, скромные результаты в реальности явились поворотным историческим событием для всей Южной Украины.

Прежде всего, Россия получила долгожданный выход к Черному морю, что позволило начать строительство новых городов и портов. В частности, в 1778 г. в устье Днепра был заложен Херсон, задуманный в тот момент в качестве главного порта на Черном море. Вторым немаловажным фактором являлось признание Турцией независимости Крыма. Данные обстоятельства позволили России весной 1783 г. бескровно занять Крымский полуостров и присоединить его к составу империи.

Между тем к середине 80-х гг. XVIII в. всем европейским политикам стало ясно, что ключ к господству в Северном Причерноморье лежит именно в Очаковской области. Знаменитое путешествие Екатерины II в Крым весной 1787 г. лишь утвердило мнение на этот счет многочисленных дипломатов и политиков Европы, сопровождавших императрицу. Турция, имея мощь бастионов только Очаковской крепости, в любой момент по своей прихоти могла перекрыть проход торговых и военных судов со стороны Буга и Днепра в Черное море. Вот почему с точки зрения стратегических интересов новая война между Россией и Турцией была неизбежна. Первая исходила из позиции, что товарное производство плодородных районов Украины тормозилось из-за невозможности экспорта в широком масштабе в страны Средиземноморья. А потому выход на широком пространстве к Черному морю являлся жизненно необходимой задачей. Вторая, не без подстрекательства извне, стремилась к реваншу и восстановлению своего единоличного контроля над всем Северным Причерноморьем, включая Крым. Поэтому ни для кого не явилось неожиданным объявление Турцией 15 августа 1787 г. (даты приводятся по старому стилю) войны России.

Война началась 21 августа с попытки турецкого флота высадить десант на Кинбурнскую косу, который был успешно отражен гарнизоном русской крепости под командованием А.В. Суворова. А весной следующего года русская армия вторглась в пределы Очаковской области и под командованием Г.А. Потемкина осадила Очаков. После многомесячной осады в декабре 1788 г. Очаков был взят. Однако это было лишь прелюдией в упорной борьбе двух империй за обладание территории между Бугом и Днестром.

С потерей турками Очакова резко возросло значение Хаджибея как одного из основных мест базирования турецкого флота вблизи главных русских сил.

2. Взятие Хаджибея

Штурм и взятие Хаджибея русскими войсками 14 (25) сентября 1789 г. вряд ли являлось бы столь значительным событием и датой в анналах отечественной истории, если бы этот день не стал хронологической точкой отсчета летописи предыстории Одессы. Но так как этот факт давно совершенно очевиден для потомков, то и понятен тот большой интерес, который проявлялся к подробностям падения турецкой крепости Ени-Дунья, именуемой в русских документах Хаджибейским замком. Впрочем, не будем умалять и чисто военное значение операции, проведенной в ночь с 13 на 14 сентября по ст. ст. отрядом генерал-майора Дерибаса. Конечно, в ряду кровопролитных и тяжелых сражений в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг. эта операция отнюдь не выделялась. Но и не случайно ведь в Петербурге прогремели салюты в честь Дерибаса, а Суворов не преминул с победой над Хаджибеем честь иметь поздравить Осипа Михайловича, усердно пожелав ему "побеждая и далее неверных, заслужить лавры".

Между тем кажущаяся легкость, с которой русские войска овладели Хаджибеем, во многом обманчива. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть документы предшествовавшего штурму времени, где отчетливо видно, насколько тщательно подготавливалась данная операция в течение нескольких месяцев до ее фактической реализации. Эта продуманность действий, а именно она определяет уровень военного искусства, и принесла в конечном итоге заслуженные лавры Дерибасу и его соратникам.

Следует отметить, что из многочисленных документов того времени особую ценность для понимания рассматриваемого вопроса имеют письма Осипа Михайловича Дерибаса начальнику канцелярии главнокомандующего Г.А. Потемкина, Василию Степановичу Попову, выдержки из которых, касаемые Хаджибея, мы и приводим ниже. Но предварительно несколько замечаний.

Хаджибейская крепость, по-турецки Ени-Дунья (Новый Свет), была перестроена, или, лучше сказать, вновь выстроена, в 1764 г., и представляла собой подобие четырехугольника, окруженного с суши земляным валом. Она размещалась на территории современного Приморского бульвара, недалеко от того места, где позднее был построен Воронцовский дворец. Судя по ряду описаний, главной достопримечательностью крепости был каменный дом паши и глубокий пороховой погреб. Вокруг и внутри

ее были разбросаны несколько десятков татарских хижин, и в случае опасности жители или прятались в крепости, или в спешном порядке перекочевывали в глубь степей. Лишь небольшой редут да овраг служили внешними оборонительными средствами для Хаджибея, гарнизон которого не превышал 300 человек при 12 орудиях. Вот почему турки при возможном нападении особое значение придавали поддержке со стороны своего флота. Последнее обстоятельство следует заметить особо.

После долгой и изнурительной осады Очакова, который был взят русскими войсками лишь в декабре 1788 г., многим казалось, что война близится к завершению. Так думали не только в Петербурге, но и некоторые высшие сановники в Стамбуле. Во всяком случае, турецкий султан Абдул-Хамид I явно склонялся запросить мир. Но в апреле 1789 г. старый султан неожиданно умер, и ему на смену пришел Селим III. Вот эти события как бы затормозили развитие хода действий в русско-турецкой войне. Однако пока правительство России ожидало запроса от турецкой стороны на начало мирных переговоров, не в меру горячий и воинственный Селим III развернул небывалую активность по реорганизации своей армии, играя, при неистовой поддержке янычар, на струнах национальной уязвленности и жажде реванша.

Хаджибею при этом отводилась достаточно значительная роль, как одного из основных мест базирования турецкого флота вблизи главных русских сил. Эти обстоятельства не могли не быть замечены в русской армии, и уже с начала лета 1789 г. все данные относительно Хаджибея стали поступать к Дерибасу. Так, 20 июня (1 июля) он писал Попову: "Полковник Машлыккин утром возвратился из Гаджибея. он был там со 150 /казаками/, проводшими ночь в лощине по ту сторону большого Куяльника, в пяти верстах от укрепления, а утром он пошел с одним есаулом открыть неприятеля в расстоянии одной версты. Он заметил, что в укреплении мало людей, насчитал 23 лодки одномачтовых, которые он принял за запорожские суда, и 37 больших и средних якорных судов на море, на расстоянии пяти верст. Я говорил с ним и его есаулом и, судя по тому, что они мне сказали, нечего сомневаться в том, что они видели все и очень хорошо, только не могли разобрать качество судов, и я замечаю, что в числе средних они видели несколько двухмачтовых. Один сметливый и смелый есаул Кумчатского полка возвратился вчера с таким же открытием и донес слово в слово то, что Машлыккин. Поэтому можно судить приблизительно по трем этим разным донесениям о силах неприятеля до сих пор не очень значительных. О них точно узнают, когда гр. Войнович пошлет для разведки офицера".

Как видим, уже в своих первых донесениях Дерibas не спешил с выводами и полагался на соответствующие данные от контр-адмирала Войновича. В то же время, со своей стороны, он не прекращал разведку в Хаджибее. 2 (13) июля Дерibas писал: "Посланный вчера к Гаджибею старшина, сей минут ко мне явился благополучно, и рапортовал: он сего числа весь Гаджибейский берег открыл, а далее оного против последнего за Гаджибеем большого мыса, не у самих берегов, а близь оных стоит небольших (примерно как наших черноморских казаков суда) двадцать семь суден; из оных на глазах его пять отошли за мыс к Аккерману; сверх того примечено им далеко в море стоящих противу первого Куяльника неприятельских больших и малых тридцать четыре судна; из коих одно двухмачтовое также пошло к Аккерману: на берегу никаких следов не примечено, также из крепости Гаджибейской никто не выезжал".

Видимо, разведывательные вылазки русских солдат и казаков стали настолько регулярны, что не могли оставаться незаметными для турок, и это приводило к небольшим вооруженным стычкам. Например, 25 июня (5 авг.) Дерibas докладывал в канцелярию главнокомандующего: "Кроме маленькой стычки вчера под Гаджибеем, в которой мы ни одного человека не потеряли, не имеем ничего нового". Тем временем, пока длилась своеобразная пауза на театре боевых действий, Осип Михайлович не ограничивался только получением регулярных сведений о состоянии противника, но и стремился, по возможности, получить точные топографические данные относительно окрестностей крепости. Вот характерные строки, написанные им в конце августа: "Все это время я занимаюсь местностью Тилигула и Куяльника. Все находящиеся у вас карты не верны; я вам скоро пришлю одну очень хорошую, потому что открыл здесь такую в Таврическом полку у поручика Игнатьева, который аккуратно работает и везде был сам".

Даже из приведенных выдержек из донесений Дерibasа понятно, что приказ Потемкина об овладении Хаджибеем не являлся для него неожиданным и не застал врасплох. Уже 31 августа (11 сент.) Дерibas изложил свой давно вынашиваемый план: "Прошу вас, мой генерал, передать его светлости (т. е. Потемкину. — А. Т.), что я готов; канонерские лодки поставлены в хорошем месте, и я начну огонь только тогда, когда начнет батарея, поставленная со стороны гр. Гудовича. В случае если город посмеет стрелять по нас, завидя нас с рассветом, я отвечу только по трем первым выстрелам, и тогда буду продолжать, пока не будет приказано перестать. Канонерские лодки будут стрелять по очереди: всех их 28; значит 14 будут

стрелять, остальные судна, приблизившись тоже, и стоять будто бы наготове к помощи другим".

Если отбросить определенную неуклюжесть стиля, столь свойственную большинству военных того времени, то даже этот предварительный набросок планируемой операции наталкивает на объяснение одного весьма важного момента, который нередко выпускается из вида. Дело в том, что Дерибас ставил перед собой цель значительно шире, чем просто захват Хаджибейской крепости, — но и комплексный удар с суши и с моря по турецкому флоту. Этот своеобразный капкан для военных судов неприятеля мог бы стать одним из решающих моментов, существенно влиявших на весь ход войны. Именно поэтому, как мы увидим, столь огорчительны были минуты, когда нерадивость графа Войновича свела на нет блистательно задуманный план.

А события разворачивались следующим образом. 3 (14) сентября из Очакова к Хаджибею вышли три конных полка и три полка казаков Черноморского войска. Дабы скрыть маневр, войска продвигались только ночью и 12 (23) сентября достигли Пересыпи. На следующей день отряд, с присоединившимися к нему еще двумя батальонами с полевыми и осадными орудиями, расположился в Кривой балке. Посланные ранее к Хаджибею казаки донесли Дерибасу, что видели около 40 турецких судов в море и 33 лансона, стоявших на якоре близ берега. Поэтому на перешейке между морем и Куяльницким лиманом генерал разместил батарею из 4-х осадных и 12-ти полевых орудий, чтобы боковым огнем попытаться нанести урон неприятельскому флоту. В то же время были точно распределены действия отрядов при штурме крепости. Секунд-майор Воейков должен был занять окрестности замка, отрезая возможность как высадки десанта с турецких кораблей, так и возможность бегства из крепости гарнизона. Основная роль отводилась батальону под командованием полковника Хвостова, который при поддержке с флангов двух полков черноморских казаков должен был штурмом овладеть крепостным валом. Расчет был и на внезапность, и на слаженность действий всех отрядов. И надо отметить, что эти расчеты были реализованы блестяще.

14 (25) сентября в 4 часа утра турки заметили приближающиеся отряды русских, но было уже слишком поздно. В считанные минуты батальон полковника Хвостова, где находился и Дерибас, овладел крепостью. Ни беспорядочный огонь крепостных орудий, ни корабельной артиллерии турок не смогли нанести существенный урон русским, потери которых составляли 5 убитых и 33 раненых. Турецкие потери выглядели зна-

чительно ощутиее: более двухсот убитых, взяты в плен двухбунчужный паша Ахмет-бей, бин-паша, 5 агов, 5 байрактаров, 1 капитан судна и 66 нижних чинов. Русским достались также неплохие трофеи: 12 пушек, 22 бочки с порохом, 800 ядер и, кроме того, 7 знамен и 2 флага. Было подбито два турецких лансона, один из которых вскоре затонул, а другой вынужден был подойти к берегу и сдаться.

Однако это еще не был конец баталии. С рассветом турецкий флот подошел к Хаджибею. И хотя перевес сил был на стороне турок, вернуть себе крепость они не смогли. Этому способствовал сильный ветер и неудачное маневрирование турецких судов с одной стороны, и умелый огонь русских пушек, с другой. При этом как генерал Гудович, так и Дерibas в своих последующих рапортах единодушно отмечали батарею майора Меркеля, ведшего точный и прицельный огонь с правого фланга.

Еще не успев остыть от боя после наполненной бурными событиями бессонной ночи, Дерibas написал приводимое ниже письмо. Судя по некоторым последующим замечаниям самого Дерibasа, он, чтобы не упустить благоприятную возможность заманить турецкий флот в ловушку, продублировал свое донесение от 14 (25) сентября в штаб главнокомандующего несколько раз. Вероятнее всего, что французский оригинал письма Дерibasа, хранящийся ныне в фондах Одесского историко-краеведческого музея, является первым из них. Во всяком случае, на это указывает несколько признаков, в том числе и явная торопливость писавшего, с множеством стилистических и орфографических ошибок. Приведем часть данного донесения:

"Мы отпраздновали праздник Воздвижения Креста пушечными выстрелами: в течение получаса продолжался адский огонь, особенно со стороны моря. Но он не причинил нам вреда, так как берег очень высок. Я восхищен храбростью полковника Хвостова, а также многих других, и, в частности, капитана Трубникова, подателя сего /донесения/; он был невежлив, оставив меня у подножия лестницы, дабы доказать мне, что и он умеет идти на приступ: я был удовлетворен, видя штурмовую лестницу всю покрытую наступающими, среди которых мои молодые люди не были последними. Если бы только граф Войнович проявил бы желание рискнуть потерей нескольких лодок, он мог бы оказать большую услугу, и мы все покрыли бы себя славой: возможно, этот момент еще не потерян, хотя ветер достаточно силен, однако слабее чем прошедшей ночью: я отдал бы два пальца, чтобы увидеть появление нашей флотилии завтра с восходом солнца; я разделяю это желание с большим количеством людей, которые все убежде-

ны, что ни одно вражеское судно не смогло бы от нас уйти, и среди других два больших с батареями, которые очень тяжелы, и, кроме того, двигаются как пьяные, после трепки, полученной ими сегодня". Далее Дерибас посвятил чуть ли не половину своего донесения желанию увидеть Днепровскую флотилию у Хаджибея, уповая при этом и на Бога, и на большую решительность графа Войновича, вполне справедливо подчеркивая, что если и есть риск потерять несколько небольших судов, то их экипаж спасется, так как весь берег полностью контролировался казаками.

Однако ни на следующий, ни в ближайшие дни корабли Войновича не появились у Хаджибея. Не случайно Дерибас писал Попову 17 (28) сентября: "Я печален и очень, несмотря на многие причины быть довольным".

Между тем 18 (29) сентября из Севастополя вышел флот под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова, который имел задачу не допустить повторного нападения турецких кораблей на Хаджибей и заставить неприятельский флот удалиться, что и было выполнено.

Остается добавить, что за взятие Хаджибейской крепости Дерибас был награжден орденом Святого Георгия третьей степени. Не были забыты также и наиболее отличившиеся при взятии Хаджибея представители регулярной армии и украинских казаков Черноморского войска. Что касается крепости, то уже через месяц после ее взятия укрепления было приказано срыть, что, в свою очередь, диктовалось стратегическими соображениями, существовавшими в тот период войны. Но главное было сделано, место, где в скором времени было суждено появиться Одессе, стало освобожденным от турецкого владычества.

3. От войны к миру

После закрепления России на территории между Бугом и Днестром Южная Украина оказалась как бы в эпицентре политической жизни Европы. И это вполне закономерно, так как вопрос стоял не только, вернее, не столько об очередном территориальном перераспределении, сколько о начале качественно нового этапа европейской торговли, что делало данную проблему жизненно важной для большинства государств Европы, как великих, так и второстепенных. Именно через призму так называемого Очаковского вопроса рассматривались многие острые международные проблемы начала 90-х гг. XVIII в., следствием чего явилась глобальная перегруппировка политических сил на континенте.

В одной из своих записок Екатерина II процитировала любившую-

ся ей китайскую поговорку: "Не следует пренебрегать уменьшением могущества наших соседей". Пожалуй, ни одному из государственных деятелей нового времени не удалось со всей полнотой и убедительностью продемонстрировать данное утверждение на практике, как это сделала русская императрица. Некогда окруженная могущественными соседями, Российская империя за годы царствования Екатерины получила в лице своих бывших грозных противников либо сошедшие на второстепенные роли державы, правители которых чутко и подобострастно прислушивались, в каком настроении пребывать изволит царица, либо вовсе вычеркнутые с политической карты Европы. А ведь в числе таких соседей оказались Крымское ханство и Польша, где помнили, как их войска пировали в Москве. И вот переменчивость фортуны. Территории некогда самых опасных соседей русского государства, Крымского ханства и частично земли, отошедшие к России после первого раздела Польши в 1772 г., стали главным делом внутренней и внешней политики русской царицы. Ибо именно здесь, создавая Новороссийский край, Екатерина II должна была продемонстрировать перед лицом всей Европы созидательность своей политики. А это было уже вопросом чести и престижа, как в целом государства, так и ее лично.

Впрочем, было бы ошибочно утверждать, что южная политика Екатерины строилась исключительно на честолюбии и тщеславии императрицы и ее окружения. Отнюдь нет. Выход к Черному морю и вовлечение плодородных районов Украины в полнокровную экономическую жизнь Европы представлялось делом исключительно важным для всех стран. Это была объективная потребность, имевшая в европейском торговом балансе, без преувеличения, революционное значение, выводя товарообмен между Восточной и Западной Европой на качественно новую ступень развития. И хотя эта международная тенденция в будущем далеко не была единственным условием и залогом процветания Одессы в XIX в., но, как мы увидим, удивительно бурное развитие города произошло во многом благодаря ей. Если уместно подобное образное сравнение, то можно сказать, что еще за несколько лет до своего основания Одесса уже имела своеобразный ракетноситель, который должен был вывести ее за считанные десятилетия на орбиту самых процветающих городов Европы. Но не будем забегать вперед и вернемся к событиям, которые определили государственную принадлежность территории, предназначенную волею судьбы Одессе.

В декабре 1790 г. русские войска и казаки Черноморского войска под

командованием А.В. Суворова штурмом овладели крупнейшей турецкой крепостью Измаилом. Это было едва ли не самое кровопролитное сражение в XVIII в., в котором турки потеряли 26 тыс. убитыми и 9 тыс. пленными. Со стратегической точки зрения выход русской армии к Дунаю и взятие Измаила должно было стать решающим в войне с Турцией.

Преследуя поставленные цели, Екатерина II через своих представителей тут же предложила Османской империи заключить мир, соглашаясь вернуть занятый русскими войсками Буджак с Измаилом. Однако весной 1791 г. разгорелся острейший международный конфликт, вошедший в историю как "Очаковский кризис" и нередко называемый в литературе борьбой кита и медведя, т. е. противоборством сильнейшей на континенте России с самой могущественной морской державой того времени — Великобританией.

Англия не была заинтересована в закреплении России на Черном море. Безраздельно господствуя в Балтийском море, британский флот до этого момента имел полный контроль над всем восточноевропейским экспортом. Обеспечивая собственную промышленность жизненно необходимыми товарами и сырьем, а также перепродавая их в другие страны, Англия стремилась к сохранению своих преимуществ. Вот почему 22 марта 1791 г. британский кабинет министров принял на своем заседании ультиматум России. Если последняя откажется вернуть Очаковскую область Турции, то Великобритания и союзная ей Пруссия объявляли войну.

Нельзя сказать, что британская угроза не подействовала на Петербург, ибо подавляющее число членов русского правительства, включая и фаворита императрицы князя Г.А. Потемкина, полагали, что требованиям Англии придется уступить. Однако Екатерина II проявила политическую твердость. В этом неоценимую услугу ей оказал российский посланник в Лондоне Семен Романович Воронцов, отец будущего Новороссийского генерал-губернатора Михаила Семеновича Воронцова. Используя традиционные и нетрадиционные методы, российский дипломат сумел поднять общественное мнение английской нации против войны из-за Очаковской области и заставить британское министерство отказаться от своих требований России.

Таким образом, летом 1791 г. Турция оказалась без поддержки извне и вынуждена была запросить мир. В октябре этого года в Яссах начались мирные переговоры, которыми руководил со стороны России канцлер Александр Андреевич Безбородко.

29 декабря 1791 г. (9 янв. 1792 г.) был заключен Ясский мирный дого-

вор. От России его подписали Самойлов, Дерibas и Лашкарев, от имени Турции — Абдула-эфенди, Ибрагим Исмет бей и Мехмед-эфенди. Так завершилась русско-турецкая война 1787-1791 гг., а Очаковская область, на территории которой в скором времени суждено было появиться Одессе, приобрела новый государственный статус. Завершающая точка в многолетней борьбе за Северное Причерноморье была поставлена.

Еще не успели отгреметь в Петербурге праздничные салюты по поводу успешно завершённой войны, как 26 января 1792 г. именным указом Сенату "о присоединении земли, между рек Буга и Днестра лежащей, к Губернии Екатеринославской", Екатерина II определила административную принадлежность этой территории.

К тому времени вся Южная Украина входила в состав Новороссийского края, вверенного с 1774 по 1791 г. князю Г.А. Потемкину. После смерти последнего ему на смену был поставлен новый фаворит императрицы, Платон Александрович Зубов. Больше всего в жизни ценивший драгоценные камни, а потому и называемый при дворе "бриллиантовый князь", Зубов отнюдь не блистал ни умом, ни талантами, ни усердием. Формально управляя из северной столицы обширными южными территориями, он фактически переложил все бремя забот о крае на екатеринославского губернатора Василия Каховского.

Исполняя предписание царицы, генерал Каховский весной 1792 г. лично осуществил экспедицию в Очаковскую область, о результатах которой доложил в Петербург в мае и сентябре этого года. Нам особенно любопытны его заметки относительно Хаджибея, где первоначально планировали сделать поселение для вольнонаемных матросов, служивших в Средиземноморской флотилии: "Аджибей, назначенный Вашим Императорским Величеством для обитания служивших в Средиземном море на флотилии, лежит на возвышенном и приятном месте. Вода в колодцах пресная и хорошая... От развалин бывших тут строений камня много.

Оного будет достаточно на построение при первом случае домов для ожидаемых к обитанию в сем месте".

Каховский предложил разделить всю область на четыре уезда, с соответствующим строительством четырех уездных городов. Однако Хаджибей в этот список не вошел, хотя генерал и отметил его удобное местоположение. Впрочем, следует отметить, что в это время на юге России возникновение любого населенного пункта нередко сопровождалось пышным указом о строительстве города, десятки, если не сотни из которых не только городами, но и крупными селами не стали. Порой дело доходило

до нелепости, когда на карте империи конца XVIII в. обозначался город, а в реальности на указанном месте находилась небольшая деревушка с несколькими десятками жителей, а то и таковых не было.

Близость границы с Турцией продиктовала необходимость строительства военных укреплений. С этой целью в июне 1792 г. решено было начать строительство так называемой днестровской линии, в которую должны были войти пять крепостей: 1) "Средняя крепость" (будущий Тирасполь), 2) Гаджидерская (Овидиополь), 3) Гаджибейская (Одесса) и две около Очакова, непонятно почему включенные в днестровскую линию.

Закладка Хаджибейской крепости состоялась 10 июня 1793 г. Соответственно в это же время началось и обустройство гавани для гребного флота. Непосредственное руководство строительством крепости и гавани возлагалось на незадолго до этого получившего звание вице-адмирала О.М. Дерибаса и подполковника инженерной службы Ф.П. Деволана. Общий контроль за всеми работами на Днестровской линии был поручен А.В. Суворову, возглавившего учрежденную в Херсоне Экспедицию строения южных крепостей.

Крепость рассчитывалась на 2000 человек гарнизона при 120 орудиях. Находилась она на территории нынешнего парка им. Т.Г. Шевченко, примерно на том месте, где до наших дней сохранились остатки карантинной стены. Формально крепость просуществовала вплоть до 1811 г., но в действительности она прекратила свое существование в сентябре 1803 г., когда по приказу герцога Ришелье ее строения были используемы под карантин, с соответствующей перестройкой двух ее казарм инженер-полковником Ферстером.

Впрочем, уже летом 1793 г. развернулись события, которые резко изменили все планы относительно Хаджибея, поставив его в центр политической жизни Южной Украины.

Еще Г.А. Потемкин понял невыгодность Херсона в качестве главного порта на Черном море. Скованные в зимние месяцы льдом Днепр и лиман не были безопасны для навигации и весной, когда река выносила льды, опасные для деревянных корпусов кораблей. Аналогичные неудобства представлял собой и возникший в устье Буга в 1789 г. Николаев. Кроме того, данные порты были удалены на значительное расстояние от моря, и проход через мелководные устья крупнотоннажных судов был затруднен. План Потемкина, вынашиваемый им в конце жизни, соорудить порт на острове Тендра, в 40 км от Кинбурна, также был явно неудачен. Так как строительство в песчаном грунте, сооружение обводных каналов, мелко-

водье и сильные подводные течения требовали огромных затрат и усилий. Поэтому в 1793 г. правительство распорядилось продолжить гидрографические изыскания вдоль черноморского побережья всей Очаковской области, вплоть до устья Днестра.

4. Первостроители

Возглавлявший Черноморское адмиралтейство вице-адмирал Николай Семенович Мордвинов предлагал строить новый порт в Очакове. С точки зрения здравого смысла этот план был достаточно привлекательным — прямое сообщение с внутренними губерниями страны через Буг и Днепр, близость крымских портов и целый ряд других преимуществ, вытекавших из удачного местоположения. Поэтому Очаков казался наиболее приемлемым для большинства специалистов в Херсоне, Николаеве и в Петербурге. Между тем Дерибас, Деволан и подполковник инженерной службы Андрей Шостак, лично обследовавшие все побережье от Очакова до устья Днестра, измеряя глубины рейдов и заливов, выдвинули неожиданно смелый проект — строить главный порт на Черном море в непосредственной близости от турецкой границы, в Хаджибее.

Сторонники Очаковского проекта расценили предложение Дерибаса как вызов общественному мнению, за которым, говорили они, стоит не более чем желание "испанского выскочки" увековечить свои ратные дела при взятии Хаджибейского замка. При этом не без основания утверждалось, что предлагаемый город и порт должны строиться в безлюдной, пустынной местности, где нет ни достаточных ресурсов, ни соответствующего строительного материала. Да и где это видано, чтобы значительный порт и город воздвигался там, где нет непосредственных речных коммуникаций?!

Приведенные аргументы не были лишены смысла. Если бы не два обстоятельства: блестящее гидрографическое и инженерное обоснование Деволана и не менее замечательное геополитическое решение вопроса Дерибасом. О роли последнего нам еще предстоит говорить. Что касается Деволана, то его имя, наряду с Дерибасом, должно быть по праву вписано золотыми буквами в раннюю летопись Одессы.

Выходец из Брабанта, Франц Павлович Деволан был родом из небогатой дворянской семьи. Поменяв малоходную служебную перспективу в Нидерландах на полную опасностей, но доходную должность военного инженера в русской армии, Франц Павлович, благодаря своей личной храбрости, несомненному природному таланту и удивительному трудо-

любию, сумел со временем подняться на высшие государственные должности. Так, уже в 1797 г. он получил генеральский чин, а в начале XIX в. стал министром водных путей сообщения в правительстве Александра I.

Многим была обязана Россия Деволану. По его проектам построены десятки каналов и гидросооружений, крепостей и береговых укреплений на севере и на юге страны. Под его личным наблюдением строились обходные каналы и шлюзы на Днепре, Буге, Неве, Онежском и Ладожском озерах, укреплялись черноморские берега Крыма и Ахтырской бухты в Севастополе. Но самым замечательным его деянием, без сомнения, следует признать осуществленный им проект города и порта в Хаджибее. Не случайно у старых одесских архитекторов была присказка, что Одесса с самого начала была спланирована таким образом, что все последующие архитекторы не смогли ее обезобразить. Это, конечно, шутка, но с известной долей правды.

С присущей ему лаконичностью и точностью Деволан обосновал несовершенство Очаковского проекта: "Худая рейда при сем последнем пункте и неудобное якорное место соединены были с невыгодами мелководья, препятствующего судам подходить к берегу ближе 500 или 600 сажен. Сверх сего льды и периодическое замерзание лимана делают там от ноября до мая месяца судоходство невозможным... А потому и не осталось выгоднейшего места для передовой гавани, неподверженной вышеупомянутым неудобствам, и коей расположение соответствовало бы намерению, к каковому она предполагается, как только залив Хаджибейский".

Но как бы ни важны были инженерные расчеты преимуществ Хаджибейского варианта, над ними все же преобладали высшие государственные и политические интересы. Именно с этих позиций проект обосновывал вице-адмирал Дерибас.

Осип Михайлович Дерибас (1749-1800) был по национальности испанец, хотя его мать, Маргарита Планкет, была ирландка, из старинного дворянского рода Дункан. Родился он в Неаполе, где его отец, Мигель де Рибас, служил в военном ведомстве короля обеих Сицилий.

Имя и фамилия — Осип Дерибас, являются производными в русской транскрипциях, достаточно широко принятые в современной литературе. Хотя можно встретить его имя в испанской, итальянской, немецкой и др. транскрипции, как, например, Хосе, Джузеппе, Джозеф, Иосиф, а написание фамилии варьируется до настоящих дней: де Рибас, де-Рибас, Де-Рибас и Дерибас. Но весь этот калейдоскоп написания имени Дерибаса ничто по сравнению с его бурной жизнью, наполненной невероятными приключениями, дворцовыми интригами, смелыми проектами и ратными подвигами.

Став в семнадцатилетнем возрасте подпоручиком в Самнитском пешотном полку неаполитанской армии, Дерibas в 1769 г. случайно познакомился с Алексеем Григорьевичем Орловым, главнокомандующим объединенными морскими и сухопутными силами на Средиземном море. Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности, — как характеризовал его Тарле, — будущий Чесменский князь, а тогда еще граф Орлов безошибочно определил в молодом итальянском офицере точно такие же качества и пригласил его на русскую службу.

Став участником знаменитого Чесменского сражения в июле 1770 г. Дерibas затем был зачислен в русскую армию под командованием Румянцева. В 1774 г. он в чине майора назначается инструктором в Шляхетский сухопутный корпус в Петербурге. Но за этой достаточно скромной должностью скрывалось одно из деликатнейших поручений, так как фактически Дерibas выполнял обязанности воспитателя юного графа Бобринского, незаконнорожденного сына Екатерины II и Григория Орлова.

Конфиденциальные услуги Дерibasа не были забыты Екатериной. С ее согласия он женился на камер-фрейлине императрицы Анастасии Ивановне Соколовой, побочной дочери видного просветителя России, президента Академии художеств И.И. Бецкого. В свою очередь царица была крестной матерью детей Дерibasа. Все это являлось верным признаком его влияния при дворе — удобная и безбедная жизнь царедворца Осипу Михайловичу была обеспечена, а этой жизни он не только не гнушался, но и всячески добивался ее. Впрочем, его деятельная натура при этом вступала в явное противоречие сама с собой. Желая проявить себя, он создает проект гигантского моста через Неву, демонстрируя его макет публике, но вскоре понимает, что инженерное дело не его стихия. Определенный успех ожидал его на дипломатическом поприще. Выполняя секретное поручение в Неаполитанском королевстве в начале 80-х гг., Дерibas успешно справляется с возложенной на него миссией, добившись присоединения этого крупнейшего государства Италии к вооруженному нейтралитету — блестящего политического акта Екатерины II, выдвинувшего Россию в мировые державы. Он же заложил фундамент и для подписания торгового договора между Россией и королевством обеих Сицилий. Следует также выделить и тот факт, что Осип Михайлович по просьбе императрицы перевел с итальянского на французский язык книгу о денежном обращении видного экономиста XVIII в. аббата Галиани. Этот перевод высоко был оценен Екатериной II.

Однако тишина кабинетов не давала ему чувства удовлетворения. В 1785 г. он возвращается в армию в качестве командира Мариупольского легкоконного полка, а в начале войны 1787-1791 гг. становится дежурным генералом при кн. Потемкине. Упросив главнокомандующего отпустить его, Дерибас с 1788 г. в чине генерал-майора находился в действующей армии и, командуя различными частями, отличился при взятии о. Березань, Очакова, Хаджибея, Бендер, Аккермана, Измаила и др.

В этот период он узнал и полюбил казаков Черноморского войска, бывших запорожцев, с которыми не расставался до конца войны. В 1789 г. Дерибас предложил оригинальный проект по поднятию затопленных турками у Очакова лансонов, усилив тем самым Черноморский гребной флот; именно казаки составили основной костяк вверенной ему гребной флотилии, сыгравшей решающую роль в овладении устьем Дуная и Измаилом. Не случайно с подачи Дерибаса казаки Черноморского войска получили от Потемкина земли в Очаковской области еще до официального закрепления ее за Россией. И только человеческая глупость и политическая недалекость Платона Зубова, ликвидировавшего позднее Черноморское казачество, переместив черноморцев на Кубань, не позволили этим в высшей степени нужным и полезным для освоения Северного Причерноморья людям остаться здесь. Впрочем, около 2 тыс. черноморцев не пожелали переезжать на новые земли, и Дерибас сделал все возможное, чтобы предписания относительно насильственного перемещения казаков не выполнялись. Многие из их числа нелегально поселились в окрестностях будущей Одессы, основав известные слободки за чертой города.

К моменту, когда Дерибас возглавил экспедицию для выбора главного порта на Черном море, он обладал, помимо богатого военного и жизненного опыта, необходимыми для этой цели качествами: опытом дипломатической работы и соответствующим доступом к информации по международным делам на высшем государственном уровне; знанием основ экономики и инженерного дела и, что было немаловажно, имел авторитет и обширные связи в окружении русской императрицы, обладая известной долей влияния как собственно на Екатерину II, так и на ее фаворита, князя Зубова.

А события, происходившие летом 1793 г., были эпохально важными в судьбе всей Украины. Второй раздел Польши позволил воссоединить этнически однородные Левобережную и Правобережную Украину. Положение Очаковской области по отношению к внутренним губерниям значительно изменялось. Теперь она должна была соседствовать с террито-

риями, непосредственно связанными с плодородными Подолией, Волынью и Галицией, что, в свою очередь, резко повышало стратегическое значение Хаджибея.

Дерибас совершенно верно оценил предстоящие результаты этого нового политического течения, доказывая, что сухопутная и каботажная торговля должны сделать Хаджибей подлинным центром для всей Украины и Дунайских княжеств. А что касается отсутствия прямой водной коммуникации к нему, то она с лихвой компенсируется выгодностью его геополитического положения. Большинству современников не были до конца понятны мотивы, выдвинутые Дерибасом. Если даже такой умный, образованный и, без сомнения, безупречно честный человек как граф Мордвинов считал Хаджибейский проект авантюрой, то что говорить о менее знающих и информированных людях. К чести Екатерины II, она по достоинству оценила аргументы своего вице-адмирала в пользу Хаджибея. И не ошиблась.

5. От основания

"Приманчивые и корыстолюбивые предубеждения не укоснили возникнуть и, напругая усилия свои возродить недоверчивость и затмить важное сие предприятие, вопияли о невозможности приведения сего в действо; но твердость духа и усердие тех, на коих возложено руководство к произведению работ, противостояли буре сей и устройство возы-мело свое начало 1794 года августа в 22 день".

Франц ДЕВОЛАН

К январю 1794 г. императрица уже сделала свой выбор, о чем свидетельствует секретный рескрипт на имя Дерибаса от 16 января 1794 г., на который почему-то мало обращали внимание исследователи. В этом рескрипте Екатерина II, ожидавшая новой войны с Турцией, предписывала командующему Черноморским гребным флотом привести его в полную боевую готовность: "так, дабы в апреле месяце можно было соединить все части оною в Аджибее, где и ожидать могущего последовать разрыва, как в таковом месте, в котором в одну сторону можно надзирать за лиманом днепровским и закрывать его, а в другую простирать примечания на устья дунайские, к коим тот час после разрыва и плавание ваше направить удобнее от порта сего".

Ожидавшийся разрыв с Турцией не произошел, так как конфликт удалось отрегулировать дипломатическим путем. Взвесив еще раз все аргументы за и против, Екатерина II 27 мая 1794 г. издает два рескрипта на

имя Дерибаса и Платона Зубова о строительстве города и порта в Хаджибее. С этого дня проект Дерибаса и Деволана обрел силу закона.

Рескрипт на имя Дерибаса широко известен, но мы приведем документ на имя Зубова, подписанный в тот же день. Вот его дословный текст: "Желая распространить торговлю Российскую на Черном море и уважая выгодное положение Гаджибея и сопряженные с оным многие пользы, признали Мы нужным устроить тамо военную гавань, купно с пристанью для купеческих судов. Устроение гавани сей возложили Мы на вице-адмирала де-Рибаса и Всемилостивейше повелели быть ему главным начальником оной, где и гребной флот Черноморский, в его команде состоящий, впредь иметь будет главное расположение; работы же производить под надзиранием генерала графа Суворова-Рымникского, коему препоручены от Нас все строения укреплений и военных в той стране заведений, придав ему в пособие инженер подполковника Деволана, коего план города и пристани Гаджибея утвердив, повелели приступить, не теряя времени, к возможному и постепенному произведению оного в действие. По таком расположении, повелеваем открыть свободный вход в Гаджибейскую гавань, купеческим судам, как Наших подданных, так и чужестранных держав, коим в силу трактатов с Империей Нашей существующих, можно плавать по Черному морю, дозволяя привозить и нагружать для вывоза товары законами не запрещенные, с платежом пошлины по черноморскому тарифу. Устроение таможи и карантин почитаем Мы необходимо нужным; а потому и не оставте поднести штаты оным к Нашему утверждению с сметами потребных для таможи и карантин строений. Впрочем надеемся Мы, что конечно не оставите способствовать вице-адмиралу де-Рибасу в деле на него возложенном, всеми зависящими от вас средствами, дабы сие благое предположение Наше, могло вскоре получить свое событие".

Тотчас по получению рескрипта Дерибас энергично приступил к подготовительным работам. Соответствующим распоряжением от 30 мая на имя Каховского Зубов приказал выделить для будущего города 29500 десятин удобной и 1200 десятин неудобной земли. В свою очередь Дерибас получил возможность использовать строительные материалы и инструменты, находившиеся в Очакове.

В то время, когда Екатерина подписывала рескрипт, где указывалось, чтобы работы производились под надзиранием А.В. Суворова, в Польше вспыхнуло мощное народное восстание, возглавленное Тадеушем Костюшко. Поэтому, по приказу фельдмаршала Румянцева, в конце мая

1794 г. Суворов был отправлен к польской границе, а в скором времени был назначен командующим русскими войсками для подавления этого восстания, и более к своей должности на юге не возвращался. Вот почему Дерibasу пришлось в большей степени контактировать с командующим войсками в крае генерал-поручиком князем Григорием Семеновичем Волконским (отец будущего декабриста князя Сергея Волконского).

22 августа (2 сент.) 1794 г. состоялась торжественная закладка нового города и порта. Для освящения строительства в Хаджибей специально прибыл митрополит Екатеринославский и Таврический Гавриил. В этот день были заложены фундаменты: 1) Большого мола; 2) Малого жете, т. е. гавань для гребных судов; 3) Эллингов и верфи для починки судов; 4) Двух пристаней для купеческих кораблей; 5) Двух церквей во имя св. Николая и св. Екатерины, а также была проведена первая борозда для фундаментов городских строений.

Одна из старых легенд гласит, что едва успели вбить первые сваи в порту, как в заливе показались 7 турецких торговых кораблей с фруктами и вином, просивших в обмен пшеницу и муку, так как в Турции в 1794 г. был сильный неурожай. И хотя эта легенда документально не подтверждается, но она удивительно точно отражает предназначение нового города с момента его рождения — мирная торговля, а не вооруженное противостояние.

По приказу Дерibasа была учреждена специальная Экспедиция для строения города и порта, начальником которой вице-адмирал назначил Деволана. Ближайшими помощниками Франца Павловича были назначены инженер-капитан Федор Кейзер, капитан-лейтенант Николай Дзивович и секунд-майор Петр Небольсин — люди деятельные, энергичные и знающие. Приступая к строительству портовых сооружений, Деволан прежде всего поставил задачу возвести мол, чтобы "доставить убежище и потребные выгоды для судов, которые только от западных, восточных и северо-восточных ветров терпели беспокойства". Причем, Деволан опирался в этом на опыт строительства средиземноморских портов Италии: "Для того признано за нужное, — писал он впоследствии, — соображаясь с гаванями Неаполя, Ливорны, Анконы и Генуи, построить мол, и произведя в рассуждении сего надлежащие рассмотрения, удостоверились, что мол сей доставит все прочие удобства..."

Собственно город с 1794 г. делился на два форштадта — Военный и Греческий, сами названия которых говорят о первоначальном их смысле. Военный форштадт включал в себя 52 квартала, поделенных на 560

участков; Греческий состоял из 65 кварталов, включавших в себя 720 участков. Естественно, что улиц, а тем более их названий, еще не было. Поэтому кварталы обозначались цифрами. Например, Дерibas первым получил открытый лист на владение 1-ым и 5-ым кварталом в Военном форштадте. А всего в 1794 г. было выдано 159 открытых листов на владение городскими участками, главным образом военным, государственным служащим и купцам.

Благодаря взаимопониманию Дерibasа и князя Волконского для казенных работ ежедневно выделялось около тысячи солдат. Сама природа благоприятствовала первостроителям, когда ранняя и суровая зима сковала льдом прибрежную полосу моря, что значительно облегчало проведение работ в Хаджибейском заливе. Сохранились любопытные расценки этих работ. Так, "произведение свайной бойки" близ берега оплачивалось по 40 коп. за каждую сваю, а дальше — от 50 до 75 коп. Деньги хоть и не очень большие, заметим, но и не столь маленькие, как может показаться.

Если вспомнить историю построения Петербурга в начале XVIII в., то вся тяжесть бремени строительства тогда легла на плечи простых русских солдат, крестьян и пленных запорожцев. Огромная мощь и ресурсы государственной машины обеспечивали неуклонное воплощение плана Петра I по возведению новой северной столицы империи. Подобными преимуществами Хаджибей не располагал. Достаточно сказать, что на строительство в 1794 г. было выделено всего 38 тыс. руб., да и те были по большей части из сэкономленных Дерibasом сумм, предназначенных для флотилии.

В декабре 1794 г. вице-адмирал Дерibas выехал в столицу, вверив Хаджибей под надзор инженер-капитана Кейзера. А 10 января 1795 г. императрица подписала документ, в котором, в частности, предписывалось создание "в городе Одессе запасного соляного магазина, в коем полагается содержать миллион двести тысяч пудов соли". Это было первое официальное упоминание нового названия города.

Когда и кем было предложено переименовать Хаджибей в Одессу, с документальной точностью установить не удалось, ввиду того, что в архивах какие-либо документы на этот счет отсутствуют. Правда, как и водится в подобных случаях, отсутствие исторически достоверного материала восполняется домыслами и легендами, с чем в Одессе недостатка не наблюдалось никогда. Но из всех вероятных, маловероятных и совсем невероятных исторических анекдотов на сей счет, несомненно, выделяется следующий. На одном из придворных балов по случаю Рождества, следо-

вательно, не позднее конца декабря 1794 г., некто (здесь идут вариации от митрополита Гавриила и Дерибаса до представителей Академии наук) предложил назвать новый город Одессос, в честь древнегреческого поселения в Северном Причерноморье. Императрица закапризничала, почему все названия городов на юге в мужском роде, и таким образом появилось на свет слово Одесса. Надо сказать, что последнее маловероятно, слишком нехарактерно и непохоже на Екатерину, да и города с женским окончанием в Новороссии были, например, Евпатория и Феодосия.

Но обратим внимание на то, что большинство исторических анекдотов, а их десятки, приписывают возникновение названия города на придворном балу, и что первоначальную основу связывают, как правило, с древнегреческим Одессосом. Следовательно, устная традиция должна иметь под собой основу.

Но, так это или нет, повторимся, с достоверностью сказать невозможно. Впрочем, нет худа без добра, ибо поиски истинного смысла наречения Одессы подвигли многие поколения одесситов подзаныться этимологией и пофантазировать вволю.

Второе упоминание Одессы в официальных документах встречается в указе Екатерины II об учреждении Вознесенской губернии. Эта искусственная, а потому недолговечная административная единица являлась детищем Зубова, которому не давали покоя лавры Потемкина. "Одесса, татарами Гаджибей именованный", упоминается в указе в качестве одного из приписных городов Тираспольского округа учреждаемой губернии. И хотя роль Одессы в тот период была еще весьма скромной и ничем не примечательной, рождение города состоялось. Ведь не случайно говорят, что Одесса не знала детства, шагнув сразу из младенчества в зрелость. Тем весомее и значительнее представляются в исторической перспективе первые шаги, сделанные городом на пути к своему экономическому, торговому и культурному величию "золотого" века.

